

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА КОЗЫРЕВА

Козырев Александр Иванович

Я хорошо помню это военное время и послевоенные годы. Это история, о которой надо писать, говорить, чтобы новое поколение знало всю правду и с уважением относилось к памяти павших. К сожалению, сейчас подвиг народа в победе над фашизмом в новых учебниках почти замалчивается, события освещаются скудно. У страны, забывшей своё прошлое, нет будущего.

ю сентября 1941 года мне исполнилось 7 лет. Война застала меня в деревне Морозово недалеко от Боровичей. Через нашу деревню проходило много войск. Морозово, Меглецы, Передки — крупные деревни, в то время были военными объектами — базами отдыха солдат и офицеров, скопления вооружения. В 7-ми километрах от Морозова располагался 1-й гвардейский минно-торпедный полк Балтийского флота — 800 моряков строили сооружения для принятия гидросамолётов. Берег был затянут маскировочной сеткой.

В то время был приказ НКВД уничтожить весь урожай, чтобы не достался наступающим немцам. Не давали снять урожай. Люди кричали, просили оставить им хоть что-то. В Мошенском были колхозы из кулаков, туда ездили люди менять вещи на продукты. Председатель Мошенского сельсовета отказался выполнять приказ НКВД, сохранил урожай, кормил местных жителей и ленинградцев. К счастью, остался живой и не попал под репрессивный каток.

Запомнил, как к нам в деревню привозили блокадников из Ленинграда. Они были настолько истощены, что их приходилось выхаживать. Они могли сидеть только на подушках — одни кости. Почему на Ладоге их так много умирало? Их кормили, а они умирали. Деревенские жители знали как возвращать к жизни таких людей, и ленинградцы были спасены. Давали кусок хлеба только пососать, помакают в молоко, жевать не дают. Надо, чтобы слюна вырабатывалась, без слюней желудок не работал. Медицина этого не знала, а народ, испытавший коллективизацию, гражданскую войну, преодоле-

вал голод, установленный большевиками.

В Боровичах копали противотанковые рвы, немцы приближались. Раненых непрерывно везли с фронта в город в госпитали, где их возвращали к жизни, но были и потери от

страшных ран, с которыми нельзя было справиться. Это было очень тяжелое время.

Закончилась война, жизнь была трудная, люди голодали, местными властями были поборы с колхозников, перестали выдавать лен, не с чего было ткать одежду, люди оделись в рвань и латанную-перелатанную обувь. Уже с лета 1953 года жить стало легче. Уменьшился отток населения в города. Начало подниматься сельское хозяйство, но с промтоварами было плохо.

После войны я был студентом и нас отправляли на военное кладбище приводить в порядок захоронения. От работников военкомата и от наших военруков мы, студенты, знали, что умерших в госпиталях было в разы больше, чем указывалось в официальных данных. Был приказ сверху — занижать потери. И власть этот приказ исполняла. Несколько лет назад ко мне обратились корреспонденты «Красной искры», рассказали, что они получили из Сибири письмо с просьбой найти могилу их родственника. Они проверяли надписи на плитах, но той фамилии и инициалов не нашли. Я посоветовал им обратиться в военкомат.

Мои родственники из деревни Морозово — дядя Филипп, тётя Марфа жили бедно, были слабы здоровьем. При них жили два мальчика, две дочери и внук Юра, который умер. На фронте был сын Володя — погиб 9 мая 1945 года. Такими семьями ковалась победа над Германией.

Александр Иванович Козырев.